

Валентин Левашов, народный артист РСФСР

ЧТОБЫ НЕ УШЛА ПЕСНЯ

Творчество народного артиста РСФСР Валентина Левашова хорошо знакомо советским слушателям. Им созданы произведения в разных жанрах. Однако больше всего Валентин Сергеевич любит песню. Не менее весом вклад композитора в дело пропаганды народной песни, русского песенного фольклора. Об этой стороне его деятельности и шла речь во время нашей беседы.

— Хотелось бы поговорить и поразмышлять вместе с вами, Валентин Сергеевич, о судьбах народной песни, нынешнем состоянии и будущем этого жанра, в котором вы давно и плодотворно работаете, возглавляя вначале Сибирский народный хор и уже более двух десятилетий — Хор имени Пятницкого.

— Самое удивительное и парадоксальное состоит в том, что был такой период в моей жизни (а музыкой я занимаюсь с семи лет), когда, услышав исполнение русских народных песен Ковалевой, Руслановой или тем же Хором Пятницкого, я выключал радио.

Тут, может, не столько я виноват, а мои родители, поскольку сначала так поступали они, а я только следовал их примеру. Им, а вслед за ними и мне казалось, что это недостойно внимания.

Отец мой, москвич, студентом бегал на галерку Большого театра, приобщаясь таким образом к высокому, так сказать, искусству. В доме у нас всегда звучала и сопровождала меня в детстве музыка классическая. Ниже романса, во всяком случае, она не «опускалась». Отец хорошо пел, неплохо играл на гитаре, и потому романсы эти звучали часто в его исполнении. А уж что касается популярных оперных арий и даже дуэтов (потому что и мама помогала ему в ходе этих импровизированных музыкальных вечеров — она у меня украинка и вообще очень музыкальный человек), то они звучали у нас постоянно.

Родился и детские годы я прожил в Москве, а потому, сами понимаете, народная песня в ее чистом виде меня не окружала и напрямую на меня не воздействовала. И вот тем не менее она меня «ушибла», эта песня, она на меня воздействовала, как взрыв бомбы, когда я, став музыкантом, композитором, соприкоснулся прямо и непосредственно с подлинным народным творчеством.

Я приехал в деревню, и в этой деревне вдруг запели какие-то старушки, какие-то женщины и мужчины народную песню, мне неизвестную, запели на восемь голосов! Причем я слышал не просто терцию или октаву, простейшие интервалы или созвучия аккордовые. Нет. Это было либо лад, либо призыву какие-то, подголосочная полифония. И надо было все это уловить на слух и успеть записать за очень короткое время. Мелодия песни все время варьировалась, и потому приходилось просить повторить ее снова, если уж не всю целиком, то хотя бы отдельные куски.

Прошу: «Спойте еще раз вот это место».

Начинают петь, но уже по-другому.

Удивительно трудно было записывать песни в ту пору. Это сейчас студенты консерваторий уезжают в экспедицию за народными песнями с магнитофонами, работающими на транзисторах и от батареек. А тогда не было ни электричества, ни магнитофонов, ни пленки. Пели, а я записывал. Это было непросто. И потом шла война. Мне с моим ансамблем военным надо было готовить новые программы. И я решил: «Кончится война, обязательно вернусь в эти края. Только приеду уже с аппаратурой звукозаписывающей (не может же быть, чтобы что-нибудь к тому времени не изобрели подходящее для этой цели) и обязательно запишу эти песни».

И действительно, где-то в начале пятидесятих годов появилась такая аппаратура, магнитофоны, пусть и не те, что сейчас, а громоздкие и тяжёлые: два человека могли такой ящик поднять — одному было не справиться. Работали они, конечно, не от батарей, а от электричества. Надо было поймать такой момент, когда в деревенские дома электричество подавалось, потому что делалось это в ограниченный период времени.

Приехали мы в ту деревню. Все нашли: и дом тот нашли, и электричество подключили, и магнитофон поставили. А вот людей не нашли... Тех, которые мне тогда пели. Одни из них на фронте погибли, другие своей собственной смертью умерли, а третьи (из молодежи) в разные края разъехались. Короче говоря, собрать тот семейный или, как его называют в Сибири, семейский уникальный хор мне не удалось.

Я эти песни потом слышал в других местах, когда ездил по Алтаю, по Чуйскому тракту, но уже не в том варианте, более обедненные. Вот почему сейчас, когда я слышу, как, возвратившись из очередной песенной экспедиции с фольклорными записями песен, мне говорят о какой-нибудь из них: «Вот как надо ее петь. Это единственно правильный ее вариант...», мне так и хочется возразить и заметить, что это лишь только осколки того варианта, который в действительности был единственно правильным. Но ушли люди из жизни, а с ними ушла и песня. Остались, может быть, даже не первые голоса, а только вторые. И вместо прежней песни с ее богатейшим орнаментом, с удивительной выдумкой, изобретательностью исполнителей, до изощренности иной раз доходившей, мы слышим обедненные какие-то, примитивные напевы, которые пытаемся сейчас выдать за эталоны народной песни.

На меня, музыканта уже сложившегося, созревшего, кое-что в жизни слышавшего, это не действует. Но я опасаясь и даже очень боюсь, что на наших молодых музыкантов, которые

воспитываются на подобном материале, это может повлиять дурно, и, кстати сказать, влияет.

— Вы, наверное, имеете в виду наметившуюся в последние годы тенденцию к количественному росту разного рода обработок, или, как теперь принято говорить, аранжировок народных песен под благовидным предлогом их «возрождения».

Каково ваше отношение к этому вопросу и о чем свидетельствует ваш собственный многолетний опыт работы на этом поприще?

— Тому, кто берется за обработку народной песни, нужно прежде всего, как говорил Чайковский, обладать огромной эрудицией музыкальной, а еще чистым сердцем и чистыми руками, потому что притронуться к народной песне может и имеет право только тот человек, который не исказит ее, а реставрирует ее.

Умение отгадать то, что ближе всего к первоисточнику песни народной, — наука исключительно трудная. Тут нужны не только знания, а еще интуиция и, если хотите, талант, которым обладает не такое уж большое число людей.

Можно гармонизовать песню, приписать подголосок и т. д. Однако все это вовсе не означает, что мы возрождаем, реставрируем ее, приобщаем к первоисточнику, из которого она родилась, откуда ведет свое начало. Часто песня после такой обработки удаляется от своих истоков, искажается подлинная, существовавшая многие годы назад ее народная музыкальная первооснова.

То же самое может произойти и со словами песни. Мне не однажды приходилось встречаться с таким парадоксом: удивительнейшая по мелодии, по музыкально-интонационному материалу песня с нелепым, примитивнейшим текстом. Я даже склонен думать, что есть в этом какая-то закономерность: музыка, как правило, крепче сохраняется в памяти, а слова песен мы иногда забываем. Но, поскольку песня без слов — это уже не песня, каждый старается (и такое было во все времена) придумать к запомнившемуся напеву свои какие-то слова, которые в одних случаях могут исказить истинный смысл песни, в других же, наоборот, удивительно слиться с народной мелодией, будто только с ней и всегда они пелись.

Сошлюсь на собственный опыт и практику. Много лет назад мне пришлось (а теперь я уже могу смело сказать: посчастливилось) к напевам нескольких старинных русских народных песен придумать, сочинить новые слова. Песни эти — «Вот кто-то с горочки спустился», «Сронила колечко», «Ой, звездочка моя ночная», «Не сама машина ходит» и другие. Тогда это был довольно рискованный шаг, едва ли не первая попытка такого рода. Теперь этим, наверное, многие занимаются. И перечисленные песни, как показала жизнь, получили благодаря такому вмешательству как бы вторые крылья. Будто к плохонькому первобытному самолету братьев Райт я приделал хорошие большие крепкие крылья из дюралюминия, и он стал летать.

До того песни эти можно было услышать лишь где-то в самой глубинке, от самого почтенного возраста людей. Молодежь их не пела. И когда я спрашивал почему, мне говорили: «Нам не нравятся слова». Вот ведь что происходило: не музыка, а слова им не нравились.

— А какие песни вы любите? — спрашивал я молодых парней и девочек.

— «Каким ты был, такими остался...» — отвечали они мне чуть ли не хором.

И такая эволюция в песне, в песенных вкусах и привязанностях все время происходит. Это естественный процесс. Возможно, не очень быстрый, но закономерный и обязательный. Песня ведь есть выражение настроения народа, его истории, его жизни, быта. Ну, а раз меняется быт, изменяются условия жизни, должна же меняться и песня. И если мы не успеваем музыкальные образы новые создавать, потому что не все мы музыкально подготовлены для этого достаточно основательно, то литературные образы, стихи и уж во всяком случае тексты для песен сочинять значительно легче, выражая с их помощью свое миропонимание и мироощущение.

Наверное, мне в какой-то степени повезло и песням этим тоже, что я не профессиональный поэт. Будь я таковым, возможно, у меня слова этих песен бы так не сложились. Не слились с тем простым музыкальным языком, который характерен для таких песен. А так у меня сами собой сложились какие-то простые

образы, такие же простые, как музыка, слова. Короче говоря, я просто «подмог» этим песням, реставрировал и перенес их, таким образом, в двадцатый век из девятнадцатого, а может, и восемнадцатого. Трудно ведь сказать, когда они родились.

— Мне думается, что ту работу, о которой вы рассказали, связанную с изменением, или, как вы называете, реставрацией только словесного, литературно-образного материала, осуществляли многие и во все времена. Это и в народе делается: к известным и популярным мелодиям приспосабливаются новые слова, подчас с совершенно противоположным, полярным смыслом. Только изменить слова — этого мало и совсем недостаточно для возвращения песни, для приближения ее к нашему сегодняшнему восприятию песенного творчества. Необходимо еще и существенное обогащение ее музыкальной лексикой, ее языком. И чем талантливее тот, кто осмелился сделать это, тем лучше для песни, тем дольше она будет жить в народе и будет любима им.

— Наверное, вы правы. Но опять же все это происходит не от желания «подправить» облагородить и окультурить песню. Народные песни прекрасны и сами по себе, а потому они не нуждаются в каких-то кардинальных вмешательствах. И потом всякий раз, приступая к работе над очередной песней, приходится решать разные творческие задачи.

В случае, например, с песней «Вот кто-то с горочки спустился» я старался вернуть эту песню в народ, вернуть всеми способами, какими только мог. А вот в работе над песней «Тройка» передо мной встала совсем иная задача — художественная. Песня эта общизвестная. И потому я поставил перед собой задачу уже другого рода: как можно глубже раскрыть какие-то грани, какой-то ракурс этой песни выделить, высветить, что позволило бы по-новому прочесть ее. Попытался решить эту задачу таким образом, чтобы из обыкновенной, элементарной, если хотите, даже какой-то такой сентиментально-банальной, в общем-то, песни сделать такую, которая прозвучала бы как отражение той острейшей социальной проблемы прошлого, когда разлучали человека с любимой девушкой, выдавая ее за нелюбимого, но богатого.

Мне хотелось именно этот аспект в песне поднять и высветить. И тут уж я прибегал ко всяким способам и приемам. И иллюстративность нужна была здесь. Хотелось создать фон такой бесконечной, заснеженной нашей русской равнины, нашей матушки-Волги, по которой одинокая тройка мчится. Представляете ли вы себе вообще, что это такое! Сейчас иной раз в автомобиле едешь один и, если встречных машин долго нет, вспоминаешь и рассказываешь потом: «Надо же, ехал один всю дорогу, хотя бы кто встретился...» А тут тройка, одна-распростованная на безысходно-унылом зимнем пейзаже!

Мне и хотелось создать атмосферу вот этой унылости, однообразности. Поэтому я ввел в оркестровую партитуру колокольчики, пытался решить это и какими-то другими музыкально-изобразительными средствами. Ведь если мы сейчас сто километров за какой-нибудь час проедем, ну в крайнем случае за полтора, то тогда все это расстояние надо было на тройке этой ехать ведь двое суток. Я и тут пытался решить это музыкально.

В то же самое время мне хотелось на этом фоне поднять и социальную проблему, проблему несправедливости, порожденной тем самым феодально-крепостническим строем и обществом, в котором с мнением человека, в особенности бедного, угнетенного, никто не считался. И потому на этом фоне тоски, одиночества, безысходности, этих пронзительных ветров и унылой песни ямщика возникла вдруг сытый, самодовольный седок (ему было, наверное, за какие деньги ехать на этой тройке), задававший вопрос: «О чем задумался, детина?»

Я трактовал это и даже в пении хористам говорю: «Вы уж так беззаботно, лихо этак спрашивайте, вопрос этот задавайте». Представьте себе этого сытого, самодовольного барина, который в этот самый момент только губы вытер после очередного возлияния на морозце и говорит: «О чем задумался, детина?...» А детина задумался о жизни своей, о будущем своем беспроблемном, о том, что уже свершилось и что его ожидает.

О трагедии ведь человеческой речь в этой песне идет.

По той же причине взялся я и за обработку старинной русской народной песни «Горят, горят пожары». Когда ю Хор Пятницкого ее уже пел. Но мне показалось при внимательном чтении ее стихов и проигрывании музыки, что есть в этой песне еще до конца не раскрытые потенциальные возможности, своеобразная и удивительно глубокая социальная драматургия. Нужно только попытаться сделать и решить ее так, чтобы песня эта зазвучала как протест, как революционный призыв, как гимн тому крестьянскому движению, которое возглавил Стеньга Разин.

Народная песня — наше богатство. Я глубоко убежден, что одной из причин творческого здоровья нашего художественного коллектива, отмечающего в будущем году свое семидесятилетие, его неувыдающей молодости является то, что такие песни, составившие его золотой фонд, созданные ему славу, не предаются забвению, а бережно передаются от одного поколения к другому.

Беседу вел

Юрий БИРЮКОВ.

Народный артист РСФСР В. Левашов.

Фото С. Метелицы (ТАСС).